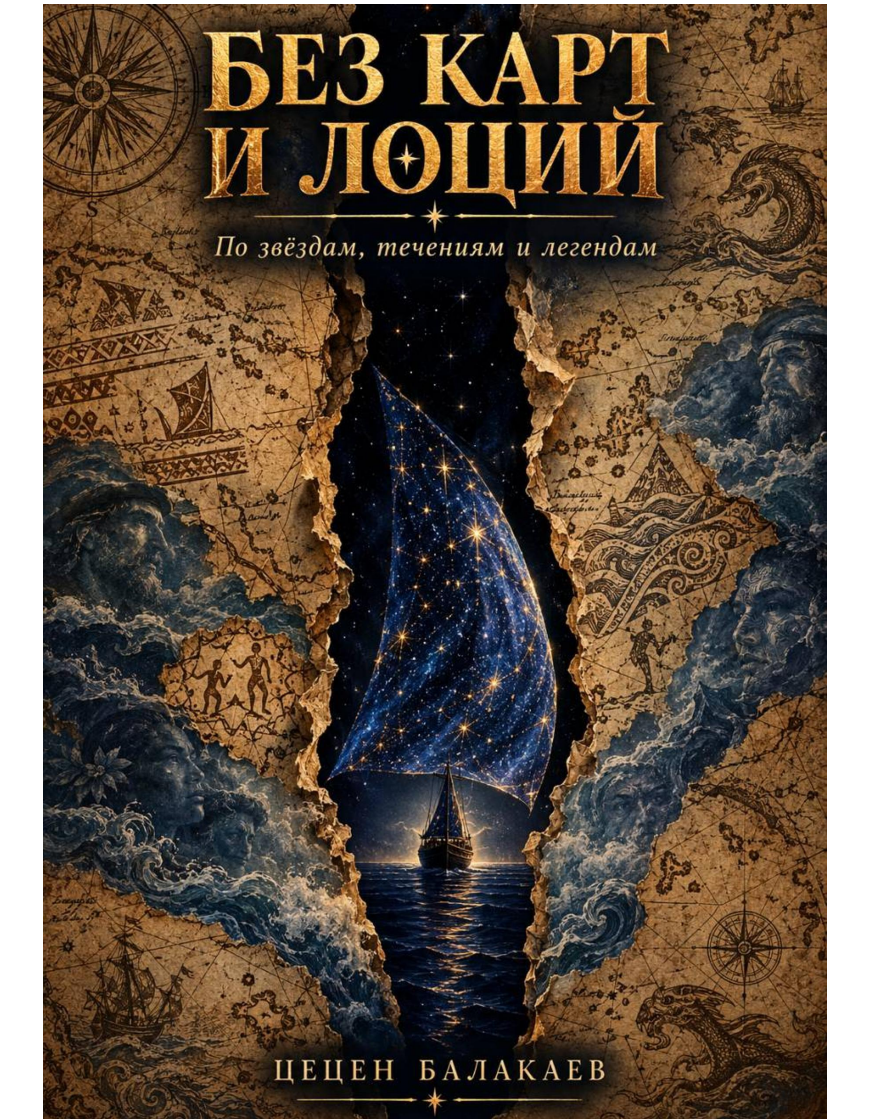

БЕЗ КАРТ И ЛОЦИЙ

По звёздам, течениям и легендам

ЦЕЦЕН БАЛАКАЕВ

Цецен Балакаев

Без карт и лоций По звёздам, течениям и легендам

<https://litres.ru/74568952>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они шли за горизонт, не зная, что там. Баренц и безвестный полинезийский кормчий. Кук и абориген, читающий волны. Геолог в снегах и монах в пустыне. Эта книга – о тех, кто доверял звёздам больше, чем чертежам, и платил за открытие жизнью, свободой, памятью.

Цецен Балакаев собрал повести, рассказы, сказания и легенды о великих путешественниках и о тех, чьи имена не попали на карты. О морях, проводниках, носильщиках, миссионерах, шаманах. О коренных народах, у которых были свои лоции – из песен, птиц и течений.

Это книга о цене открытия и о мужестве идти в темноту. О пустынях, океанах, пиках и безднах. О том, что за краем карты всегда начинается человек.

Оформление: обложка и иллюстрации – автора книги.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Цецен Балакаев Без карт и лоций По звёздам, течениям и легендам

Глава 1

Цецен Балакаев

Без карт и лоций

По звёздам, течениям и легендам

Они шли за горизонт, не зная, что там. Баренц и безвестный полинезийский кормчий. Кук и абориген, читающий волны. Геолог в снегах и монах в пустыне. Эта книга – о тех, кто доверял звёздам больше, чем чертежам, и платил за открытие жизнью, свободой, памятью.

Цецен Балакаев собрал повести, рассказы, сказания и легенды о великих путешественниках и о тех, чьи имена не попали на карты. О моряках, проводниках, носильщиках, миссионерах, шаманах. О коренных народах, у которых были свои лоции – из песен, птиц и течений.

Это книга о цене открытия и о мужестве идти в темноту. О пустынях, океанах, пиках и безднах. О том, что за краем

карты всегда начинается человек.

Оформление: обложка и иллюстрации – автора книги.

Предисловие. Журнал без карт

Эта книга началась не с замысла, а с вопроса. Почему мы знаем имена капитанов, но не знаем имён тех, кто вёл их через рифы? Почему карты хранят берега, но молчат о людях, которые жили на этих берегах задолго до того, как их нанесли на пергамент?

Я писал эти повести и рассказы, сказания и легенды в разное время. Некоторые родились из документов – судовых журналов, писем, отчётов экспедиций. Другие – из устных преданий, из песен, из тишины между строк. Третьи – из чистого вымысла, который, как мне кажется, ближе к правде, чем иная хроника.

Здесь рядом окажутся великие и безвестные. Магеллан, пересекающий неизвестный океан, и малайский лоцман, который знал этот океан лучше, чем свой дом. Кук, наносящий на карту чужие острова, и полинезиец, для которого эти острова были родней. Геолог, штурмующий снежный пик, и проводник, который нёс его груз и знал тропу, которой нет на карте.

Я не хотел писать только о триумфах. Открытие – это всегда потеря. Кто-то терял жизнь, кто-то – родину, кто-то – имя. За каждой новой линией на карте стоит чья-то история,

часто непроговорённая.

Эта книга – не учебник и не справочник. Это попытка услышать голоса. Тех, кто шёл первым. Тех, кто шёл следом. Тех, кто остался на берегу и ждал. Тех, чей мир изменился, когда на горизонте показались чужие паруса.

Я назвал сборник «Без карт и лоций». Не потому, что карты бесполезны. А потому, что самое важное начинается там, где карта кончается. Где нет лоции. Где есть только звёзды, течения, легенды – и ты сам, лицом к неизвестному.

Я буду публиковать эти истории еженедельно. Как записи в журнале, который ведётся в открытом море. Без готового маршрута. По звёздам, течениям и легендам.

Добро пожаловать на борт.

Глава 2

«Сказ о мысе Кастрикум, или Песнь двух морей»

Далеко-далеко, там, где край земли обрывается в холодную бездну, а небо тяжело нависает над водой, есть место, которое не терпит праздных гостей. Зовётся оно мыс Кастрикум и находится на самом севере каменного острова Уруп, что в гряде Курильской. Никто не знает, кто дал ему имя, но помнят, что тот, кто назвал его так, был голландцем. И имя это для здешних мест – чужое, колючее, как ледяная крупа, бьющая в лицо. На языке здешних ветров оно звучит как проклятие, ибо напоминает о старом деревянном флейте, что дерзнул бросить вызов Великому Спору.

Стоит на этом мысу высокая красная башня. Не из дерева, а из чугуна собрана она, скреплена болтами покрепче, словно срослась со скалой за те полвека, что стоит. Днём она молчит, только ветер свистит в её металлических ребрах. А ночью зажигается в её макушке огонь. Он виден на тридцать пять вёрст в море, белый и холодный, как глаз мертвеца. Сказывают, это не просто маяк, это – Сторож. Он поставлен здесь не для того, чтобы указывать путь, а чтобы пугать. Пугать тех, кто не ведаёт, что место это проклято.

Ибо мыс Кастрикум – это место Вечного Суда. Здесь судят мореходов, и судьями выступают два Моря. Два бескрайних владыки, чьи голоса сливаются в какофонию ада, разбивая

корабли о скалы. Это спор, длящийся с начала времён. Спор между Суровым Северным Морем и Суровым Восточным Морем.

Голос Северного Моря – низкий, ледяной, он идёт со стороны Охотского моря, откуда, как говорят, приплыли когда-то на своих утлых суденышках пращурь де Фриза. «Всё здесь – моё, – рокошет Северное Море, вздымая свинцовые валы. – Эта земля рождена из моего холода и моего льда. Она принадлежит тем, кто умеет терпеть, выживать, переносить стужу в костях. Она для сильных духом, для тех, чья родина – Север». Голос его полон вечной тоски по дому, по тем замёрзшим каналам, где в туманах скользят парусники. Это эхо далёкой родины голландских капитанов, которых ветра занесли сюда. Он несёт с собой запах тюленьего жира и мокрого снега. Северное Море сурово, но в его суровости есть порядок. Оно испытывает человека холодом, но не гневается, если тот выдержит. Оно говорит: «Смирись. Выживи. И стань моим».

Но тут же, с другой стороны, с востока, от бескрайней Тихой Пучины, которая только называется Тихой, вскипает ярость Другого Голоса. Голос Восточного Моря – высокий, пронзительный, безумный. Это голос Великого океана, что разрывает берега Японии и топит города одним движением своей чудовищной силы. «Нет! – визжит Восточное Море, поднимая высокую волну, которая, кажется, сейчас достанет до облаков. – Это земля моих штормов! Моих цунами! Моих

землетрясений, от которых скалы дрожат! Она непредсказуема, она хаотична, она – моя!» Восточное Море помнит, как однажды сюда приплыл чужак на корабле «Кастрикум» и попытался измерить его глубины, а потом установил на острове деревянный крест, объявив его Землей Компании. Оно было в ярости. Этот пролив, что разделяет Итуруп и Уруп и ныне носит имя наглого голландца, был для него оскорблением. Восточное Море не терпит порядка. Оно любит играть. И самые опасные его игры – у мыса Кастрикум, где его ярость натывается на холодную твёрдость Северного.

И каждый день, и каждую ночь, и каждую осень, и зиму, и лето, эти два голоса спорят. Они сталкиваются лбами у мыса, создавая водовороты, поднимая девятые валы, разрывая туманы в клочья. И для любого корабля, рискнувшего пройти мимо мыса Кастрикум, это означает верную гибель. Один говорит: «Проходи!» – и толкает судно вперёд. Другой кричит: «Стой!» – и швыряет его обратно. Судно оказывается между молотом и наковальней. Скалы – слишком близко. Глубины – слишком обманчивы. И ни один капитан ещё не уводил своё судно из этого капкана, если оно попадало в эпицентр их спора.

Волны бьются о мыс не просто так. Каждая волна – это слово. Каждый всплеск – это аргумент. Они стремятся перекричать друг друга, но никто не побеждает. И тогда, смывая всё живое, они бьют по камням с такой силой, что кажется, будто сама земля стонет.

Жил некогда на этом маяке старый смотритель. Говорят, звали его Игорь, и был он похож на моржа – седой, косматый, с глазами, выцветшими от соленых брызг. Сказывали, что он не уехал отсюда, когда ушли военные и золотоискатели, когда посёлок опустел и лишь дождевая вода из цистерн осталась единственной отрадой. Жил он здесь с женой и ещё одной семьёй на другом конце острова, у маяка Ван-дер-Линда, но их разделяли сто двадцать вёрст болот и бездорожья, и виделись они раз в год, если баржа доходила.

Игорь знал все тайны этого места. Он слышал голоса. Каждую ночь, когда огонь в фонаре начинал свой зов, старик выходил на галерею и слушал.

– Чего вы спорите, глупцы? – шептал он в ветер. – Вы ведь не люди.

Но моря не слушали. Северное Море шептало ему о доме, о Голландии, о том, как его предки, голландцы, первыми открыли эти земли. «Мы прошли проливом, – гудело Море. – Де Фриз назвал этот пролив своим именем. Эта земля – наша, по праву открытия». В ответ Восточное Море хохотало и швыряло в башню гальку. «Ваши кресты сгнили! Ваши корабли сгнили! Здесь была Япония, здесь были айны, здесь была моя пучина задолго до того, как ваш Фриз высадился с «Кастрикума» и назвал Уруп Землёй Компании!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.